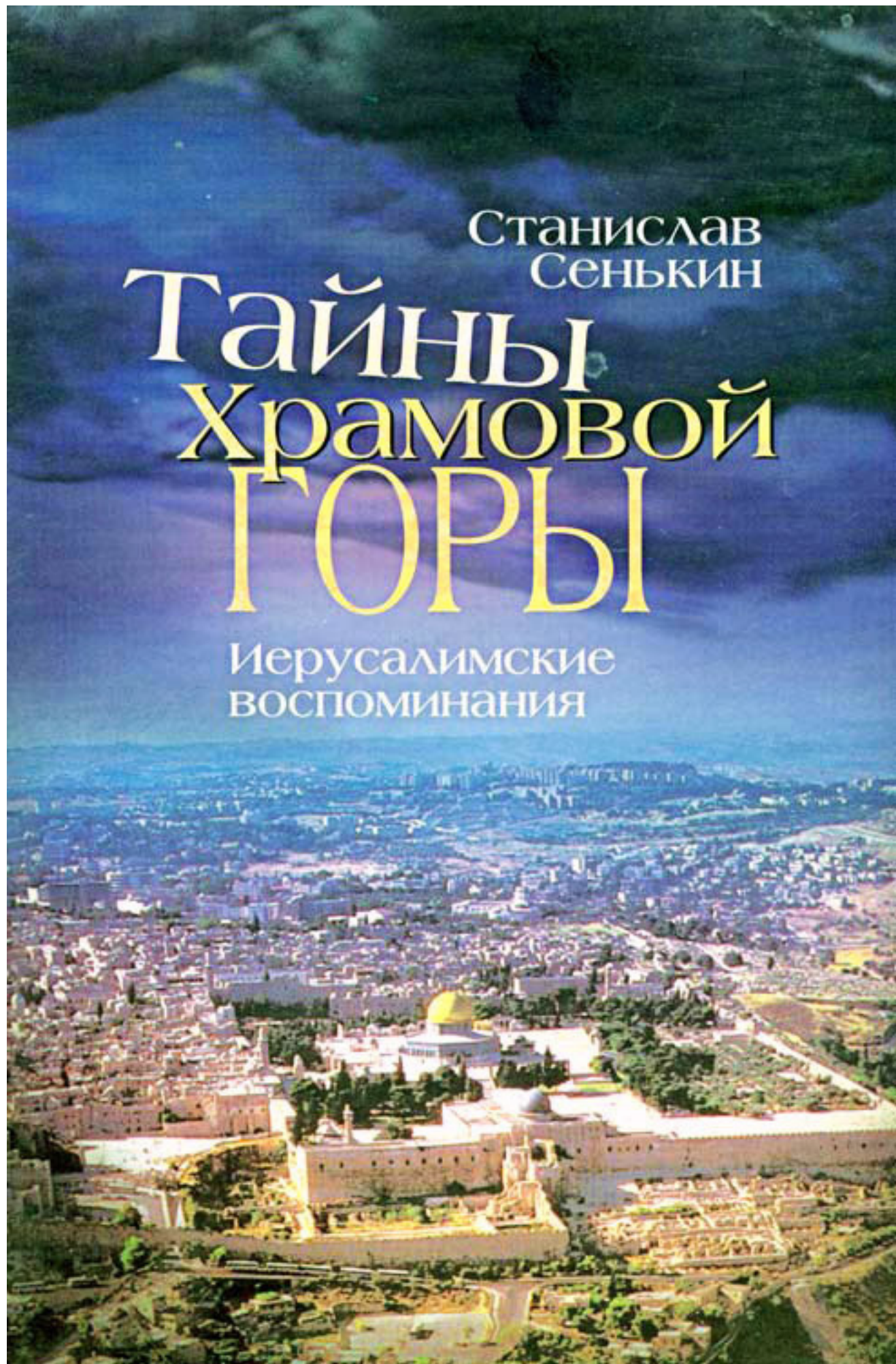

Станислав
Сенькин

Тайны Храмовой ГОРЫ

Иерусалимские
ВОСПОМИНАНИЯ

Станислав Сенькин

**Тайны храмовой горы.
Иерусалимские воспоминания**

«Автор»

2009

Сенькин С. Л.

Тайны храмовой горы. Иерусалимские воспоминания /
С. Л. Сенькин — «Автор», 2009

Действие новой повести Станислава Сенькина «Тайны Храмовой горы» происходит на Святой Земле. Книгу можно уподобить мозаике, собранной из колоритных картинок жизни христианского Востока. Тематически она как бы продолжает цикл афонских рассказов молодого автора («Украденные мощи», «Покаяние Агасфера»), за короткий срок выдержавших несколько переизданий.

© Сенькин С. Л., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Воспоминание первое	6
Воспоминание из глубины чужого сердца	12
Воспоминание о верблюде	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Станислав Сенькин

Тайны храмовой горы.

Иерусалимские воспоминания

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

И сказал я им: пусть не отворяют ворот Иерусалимских, доколе не обогреет солнце, и доколе они стоят, пусть замыкают и запирают двери. И поставил я стражами жителей Иерусалима, каждого на свою стражу и каждого напротив дома его. (Неем. 7:3)

Просите мира Иерусалиму: да благоденствуют любящие тебя! (Пс. 121:6) На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью. О, вы, напоминающие о Господе! Не умолкайте. (Ис. 62:6)

Воспоминание первое

Солнце, словно долька свежего апельсина, показалось за камнями древнего города. Ночь, осторожно пятясь во времени, уходила в небытие. Утро в пустыне начиналось стремительно, и уже через двадцать минут после рассвета становилось жарко.

Сначала серые пески густо насыщались коричневым оттенком, затем становились красноватыми, уже через мгновение солнце до предела наполняло их своей яркостью и желтизной.

Рассвет в древнем городе был похожим на тот, что в пустыне, – только камни были темнее, и время здесь могло легче противостоять вечности. Почему именно эта древняя земля принесла благословение всему миру? Здесь, в этих местах, зародились великие религиозные учения. Сам Господь родился здесь. Быть может, все потому, что здесь обетованные благодатные земли соседствовали с великими безводными пустынями. А чтобы обрести великую полноту, нужно сотворить в своем сердце пустыню. Внешнее перетекало во внутреннее и давало великий плод созерцания...

Но даже посреди большого города можно освободить свою душу от груза ненужных мирских впечатлений, и камни будут лишь отражаться от зеркальной поверхности чистой души.

Старец Матта почти не отреагировал на приход в мир очередного рассвета. Лучи нагревали его черную кожу, заставляя сердце биться чаще. Морщинистое лицо старца, одревеневшее от знойных ветров и холодных ночей, не выражало никаких эмоций. Покой и безмятежность уже давно поселились в его сердце и жили там на правах хозяев.

Его ряса была ветхой, как листва старой пальмы, глаза светились мудростью, и случайному прохожему трудно было заметить, что он уже почти ослеп. Его узловатые заскорузлые пальцы всегда перебирали четки: год за годом, день за днем, минута за минутой. От этих постоянных движений большой и указательный палец правой руки были все в мозолях. Даже ночью четки оставались с ним, старец наматывал их на запястье. Словно меч у одра рыцаря, они всегда были рядом. Старые четки из верблюжьей шерсти, подаренные ему одним бедуином, благодарным за выздоровление своей дочери, которое он связывал с молитвами старца.

Сандалии старца и большой деревянный посох придавали ему внушительный вид. Он сидел в плетеном кресле, которое стояло на мощеной площадке рядом с воротами храма древнего коптского монастыря, что затерялся в древних строениях близ Гроба Господня. Сто квадратных метров исторического христианского Египта в духовной столице мира.

Сегодня город был на удивление спокоен. Но так было далеко не всегда. Иерусалим видел тысячу и одну войну. Сотни крупных и тысячи мелких сражений раздирали плоть этого священного города. Его камни кропила вода продолжительных восточных ливней и Кровь сотен народов. В сердце Иерусалима собралась вся человеческая боль. Множество раз утро приносило местным жителям кровь вместо вина и тьму вместо света.

Пальмы и камни, мечи и пески отражались и дробились в глазах умирающих.

Вечный Рим всегда был против тленного мира. Он нес священный порядок среди безумного хаоса. Баллисты и легионы хранили мир путем вечной войны. Но война против несогласных почти всегда превращалась в бойню, потому что любовь на земле соседствует с ненавистью, а правда гонима, как истинная дочь света.

Четыре девятидюймовых гвоздя – вот приношение Рима Богочеловеку. Так Империя хранила порядок. Дерево, к которому Его пригвоздили, взрастил усыновленный Им народ. Так совершилось великое предательство.

Старец много размышлял подобным образом. Он родился в Египте девяносто четыре года назад. Мать говорила, что при рождении он даже не заплакал. Дед возблагодарил Христа за то, что Он подарил ему столь мужественного внука.

Презренный копт свято хранил веру своих отцов. Однажды мусульманские мальчишки жестоко избили его, пытаясь заставить отречься от своей веры и похулить Христа. Но он предпочел смерть отречению. Дети забивали его железными прутьями с первобытной невинной жестокостью, на которую способны только дети, пока случайно проходивший полицейский не предотвратил убийство. Нельзя сказать, что для мальчика решение принять мученичество было осознанным. Ведь ему было всего семь лет, но уже тогда будущий монах почувствовал, что, если он похулит Христа, его жизнь превратится в бесцельное существование. Потому что без Бога жить было нельзя. Детское сознание, не омраченное неверием этого мира, действительно воспринимало отречение от Христа худшим, что могло произойти с человеком. Иудин грех смывается только глубоким осознанием своего предательства и болью от того, что однажды ты потерял свое сердце. Но мальчик не хотел терять сердце.

Даже полицейский, который был ревностным мусульманином, не мог не восхищаться этим мужественным поступком мальчика. Он почти любовно взял его на руки и донес до дома.

Мальчик долго страдал от увечий и лежал на кушетке, пока не зажили его раны. О его подвиге узнали не только близлежащие селения, но и вся огромная Александрия. В этом древнем городе начались волнения, копты вышли на улицы с протестами против притеснений религиозного и национального меньшинства. Духовные лидеры обеих общин выступили против эскалации конфликта. Виновные дети-мусульмане были найдены и, с учетом их возраста, наказаны. Британские власти убеждали всех хранить спокойствие, опасаясь кровопролития, ведь напряжение между двумя общинами было весьма сильным и маленькая искра могла разжечь пожар настоящей религиозной войны.

Местный епископ пришел в дом его родителей и ласково гладил маленького исповедника по голове.

Затем община определила его в Лавру Макария Великого. Так с семи лет он воспитывался при монастыре. Он сам, как и его семья, считали это счастьем. Монастырский уклад воплощал в себе идеал христианской жизни. Теперь родители могли по праву им гордиться. В великом Египте было двенадцать мужских монастырей и шесть женских – шестьсот монахов и триста монахинь. Тысяча на семимиллионное коптское население...

...Египет! В коптской церкви очень любят слова писания: «Из Египта призвал я сына моего». Господь также зывал устами пророка Исая:

– Народ мой, египтяне.

Не успевает создаться богоизбранный народ, только-только призван Авраам, он уже посещает Египет. Там происходит первое искушение Авраама, когда он выдает свою жену Сару за свою сестру. Проходит жизнь двух поколений, и вновь Иосифа продают в Египет. Иосиф проходит через страшные испытания, возмужает, становится важным сановником, и вся его семья переселяется жить в Египет. Несколько веков еврейский народ живет в Египте. Наконец в Египте рождается великий Моисей, который освобождает свой народ из рабства. По законам моисеевым ни один народ не может войти в сообщество Израиля, кроме египтян:

– Потому что вы были сами рабами и пришельцами в стране египетской.

Израиль как бы находится зажатым между двумя титанами: Ассирией и Египтом. Но почти во все времена он отдает предпочтение Египту, а не агрессивным империям Междуречья.

Египет... Во время творения пасхального сейдера евреями первая капля вина отливается из сосуда в память египтян, погибших в Красном море, когда Моисей разделил воды морские. Хоть египтяне тогда преследовали Израиль, они все же на протяжении веков давали им приют. Политические связи египтян и израильтян сохраняются во время эпохи Царей. Из Египта Цари берут себе принцесс в жены, и наоборот. После падения Иерусалима, повинувшись исторической памяти, часть евреев бежит обратно в Египет.

Когда на землю пришел Христос, единственной страной, которую он посетил, был опять же Египет. До сих пор все коптские дети знают места памяти этого путешествия Матери Божьей с Иосифом Обручником и маленьким Христом... Считается, что первой страной, принявшей христианство, была Армения. Но мало кто знает, что египтяне, а не жившие в Египте греки, по сообщению историка Евсевия Кесарийского, были полностью христианизированы уже во II веке... Это была святая земля – Египет. Отец Матта гордился, что он копт. Что он христианин и живет в монастыре.

В Лавре монахи хранили древний пустынный уклад, молчание и бедность были их спутниками, убогость кельи и послушание взращивали дух. Первоначальный устав монастыря был написан по подобию устава таннесиотской обители Пахомия Великого. Конечно, время внесло в устав свои изменения, касающиеся буквы, но его дух оставался прежним. Только теперь, в наше время, посещение богослужений стало делом добровольным. Но почти все монахи старались не пропускать ни одной службы. Духовник Лавры советовал каждому насельнику вести аскетический дневник, чтобы приучить монахов к духовной самостоятельности. Каждый монах был ответственен за свои помыслы и приучался к трезвению и хранению ума. Старец прочитывал духовные дневники своих чад и сам делал заметки на полях. Тех, кто привязывался к духовнику слишком сильно, старец исцелял, отсылая от себя на месяц, а то и на полгода. Он учил, что подвижник должен приходить к Богу, а не к наставнику.

Хотя основатель мирового общежительного монашества авва Пахомий Великий был коптом, на протяжении веков сами коптские монастыри не знали общежития – у каждого инока была своя хижина-келья. Египетская пустыня больше хранила заветы святых Антония и Макария, чем Пахомия. В монастырь принимались люди всех возрастов, даже малолетние. Желая стать монахом выдерживал трехлетнее испытание. Главным направлением духовной жизни иноков был молитвенный подвиг. Элементы быта сводились к минимуму. Здесь, в египетской пустыне, дьявол терпел свои самые сокрушительные поражения. Змеи и демоны остерегались этих мест. Они стояли поодаль и лишь свирепо шипели на твердыню Лавры.

Как раз в то время, когда мальчик попал в Лавру, общежительное монашество в Египте переживало новый рассвет. Здесь собрались настоящие воины Царя Небесного. Маленький подвижник, в основании духовного пути которого легло исповедничество, делал большие успехи на поприще борьбы с помыслами.

Уже в девять лет он был пострижен в монахи с именем Матта. Его духовным другом был сам Шенуда будущий коптский патриарх, который впоследствии, до высокого назначения, провел в затворе около девяти лет и прошел науку истинного подвижничества. Давным-давно они вместе работали на полях и часто беседовали на духовные темы. Однажды во время послушания Шенуда спросил своего друга:

– Отец Матта, нам с тобой, возможно, придется стоять у кормила нашей Церкви. Египетская пустыня, некогда взрастившая Христа и великих подвижников веры, вверяет нам истину, чтобы мы передали ее следующим поколениям. Что, по твоему мнению, мы должны хранить прежде всего – веру или любовь?

Отцу Матте было тогда всего двенадцать лет, он был на семь лет младше своего друга и не знал тонкостей богословия, как и других многих вещей. Но острый природный ум наравне с чистотой сердца позволяли ему делать интересные наблюдения и правильные выводы. – Шенуди, но разве Бог может поставить нас перед таким выбором? Ведь добродетели происходят из одного источника. Мы можем разделять страсти, но не добродетели. Разве нет?

Друг немного подумал.

– Нет, Матта. Никто не знает, перед чем каждого из нас поставит Господь. Разве ты выбрал место твоего рождения, родителей, страну, село? Выбирал ли ты, Матта, религию, нашу истину, или истина сама нашла тебя? Сам ли ты, по своей воле, поселился в пустыне, или некое высшее предназначение привело тебя сюда? Нашли ли твои родители друг друга, или у них не

было выбора, потому что прежде их небесные дороги пересеклись? Мы ищем путь, или путь ищет нас?

Матта, почти не думая, отвечал другу.

– Отец нашел мою мать в древнем поселении Аф Акив. Ей было всего четырнадцать, когда она вышла замуж. Отец видел ее лишь раз, прежде чем пришел к ее родителям со слезной просьбой отдать ему девушку в жены. В этот его первый приход его даже не пустили на порог.

Моя мать – дочь священника из древнего рода, восходящего к временам фараонов, а отец – простой полуграмотный земледелец, который трудился в пойме Нила, как и наши предки много тысяч лет назад. Родителям из-за разницы уклада своих семей и некоторых предубеждений было трудно соединиться, но Господь Своей премудрой рукой разрушил все преграды. Любовь разрушила все. Поэтому если нам придется выбирать, как ты говоришь, то стоит предпочесть именно любовь. Ведь Бог – есть любовь.

День, в который мои родители впервые встретились, уже был полон мной. Не они родили меня, а, наоборот, я породил и отца и мать. Будущее становится настоящим, Шенуди. Будущее это то, что нельзя уничтожить. Настанет время, когда Христос станет всем и во всем. Но как ты можешь отделять веру от любви? Вера без любви – лишь одичалый фанатизм, а любовь без веры умирает, потому что не знает своего предназначения. Как бескрылая птица, достается она легкой пищей врагу.

Шенуда парировал.

– Наш народ, Матта, как песок пустыни, рассеется по ветру, если мы не будем бережно хранить нашу веру. Мы должны постоянно поддерживать ее, как огонь в очаге, употребляя большие усилия. Пламя веры плавит этот песок народа коптов и превращает его в прочные камни, из которых Господь строит храм Самому Себе. В этом пламени есть и жар священной ненависти. Наш народ – храм Божий только благодаря нашей вере. Поэтому задумайся еще раз над моим вопросом: что мы должны хранить прежде всего – веру или любовь? Ведь любовь заставляет нас быть благодушными даже к врагам. Вера же часто побуждает нас ненавидеть. Думая о мусульманах, захвативших наш некогда благочестивый край, я вижу в них лишь лики тьмы, и в душу проникает священный трепет – праведный гнев и горячая ненависть. Я очень люблю свой народ, традиции, веру. И в этом я хочу сделать свою любовь совершенной. Что же касается остального мира, противостоящего истине, то любить его я нахожу неразумным. Тем более если это касается врагов нашей Церкви, еретиков и вероотступников. Помнишь, как один старец кротко переносил все оскорбления, но распалился гневом, когда его обвинили в ереси. Да и ты сам пострадал от арабских детей, которые чуть не убили тебя только за то, что ты христианин. Можно долго говорить о любви к врагам, но, будем честными, возможно ли это?

Отец Матта улыбнулся, потому что знал, что на это ответить.

– Отче, если ты не против, я расскажу тебе одну историю. Вот только не знаю, успеем ли мы обработать за сегодня это поле?

Шенуда улыбнулся в ответ и взял в руки мотыгу:

– Мы можем работать и говорить одновременно.

– Хорошо. Только смотри не попади себе мотыгой по ноге. Эту историю рассказал мне отец, чтобы предотвратить в моем сердце возникновение ненависти к гонителям. Однажды, еще до встречи с мамой, он по делам приехал в Александрию. Отец остановился у дяди, который держал небольшой сувенирный магазин. Вечером они пошли в храм послушать службу. Сев на скамеечку, отец стал горячо молиться. Его молитва в этот вечер была необычайно жаркой. Любовь посетила его сердце и зажглась в нем ярким огнем, как полуденное солнце, как подарок Христа. И он стал молиться за весь мир. Через какое-то время он понял, что любит даже мусульман. По своей духовной необразованности отец отверг это чувство, тогда оно показалось ему кощунственным. Слуги пророка жестоко притесняют наш народ вот уже более тысячи лет, а он вдруг ощутил к ним любовь, которую не мог погасить ничем. Никакие

воспоминания о зверствах арабов не угашали ее. Чувствуя подобным образом, отец думал, что предает свой народ. После службы отец сразу же отправился на древнее кладбище просить прощения у почивших предков за свою неразумную любовь.

По пути его встретил пьяный солдат. Отец в это время шел по маленькой портовой улочке, которых так много в Александрии и в которых так легко потеряться навсегда. Солдат был британцем. Алкоголь превратил его в дикое кровожадное животное: иностранец вытащил большой армейский нож, жестаи и окриками показывая, что мой отец должен отдать ему все деньги, хотя на тот момент их у него не было. Солдат приставил нож к его горлу, и отец, как он сам мне рассказывал, вдруг почувствовал к нему огромную ненависть. Потное лицо европейца отображало все человеческие страсти, оно было живой иллюстрацией зла и иконой врага рода человеческого.

Ненависть придала отцу сил. Ловким движением руки он выбил острый нож из рук британца и пнул его в живот. Солдат упал и, бормоча проклятия, схватил его за ноги. Тогда отец, распалившись все большей ненавистью, избил его до полусмерти и бежал, оставив солдата истекать кровью на камнях маленькой портовой улочки.

На следующий день он пошел в храм на исповедь и рассказал все священнику: «Авва, я каюсь в любви к врагам и в ненависти к врагам».

Выслушав всю его историю от начала до конца, священник безмерно удивился и ответил отцу: «Бог да простит твои прегрешенья. Скажу тебе, что не просто так ты попал ко мне на исповедь. Во всем этом есть воля Божья. Но знай: ты неправо каешься в любви к врагам нашего народа и святой Церкви, а я вот право каюсь перед тобой и Христом в равнодушии к своим врагам. Только представь себе, как неизмеримо мудр Господь: вчера я шел по той самой портовой улочке и заметил избитого тобою солдата. Он звал на помощь по-английски и по-арабски. Я лишь брезгливо поднял полы своей рясы и прошел мимо, не оказав ему никакой помощи. Я не испытывал к солдату ненависти, как, впрочем, и любви. В душе я считал, что этот пьяный британец заслуживает того, что с ним произошло. Но теперь, услышав твою исповедь, я ощутил здесь, в самом средоточии сердца, сильное раскаяние. Мой грех, вне всякого сомнения, сильнее, чем ТВОЙ: ты ведь лишь защищался, тогда как мне Христос дал возможность совершить дело любви. Эта невысказанная мной любовь никак бы не ослабила наш народ, но показала бы всем превосходство истины».

Ненависть, – так сказал мне тогда отец, который вынес урок из этого происшествия, – дана нам Богом для нашей же защиты. Но ее нельзя лелеять и культивировать. Когда приходит время, она сама возгорается в сердце и спасает жизни нам и нашим близким. В этом нет никакого противоречия с любовью. Любовь же – самое сильное и благородное чувство, поэтому она селится в таких же сильных благородных сердцах.

Дитя любит отца еще и потому, что полностью зависимо от него. Это любовь слабых. Мы не можем так любить врагов, потому что с угасанием в них силы гаснет и наша любовь, отдавая место ненависти. Мы должны любить своих врагов любовью сильных. Так Царь Давид любил Авессалома, хотя тот и ополчился всей крепостью против него. Он любил его и как повелитель, и как изгнанник. Давид был сильным не потому, что у него было царство, а потому, что с ним был Бог.

То, что светильник истины зажжен у нас, дает нам право чувствовать себя сильными. Ибо даже если весь мир ополчится на наш народ, мы все равно окажемся сильнее, потому что с нами Бог. Мы не можем не любить врагов, потому что с нами Бог. И если мы поступаем слабо, это отгоняет благодать. Любовь – право сильного человека. Но эта любовь – не простое мимолетное чувство, которое возникает стихийно, как и погибает, но глубокое расположение души и направление воли. Оно в постоянстве разума, а не в горячности чувства.

Тогда Шенуда, услышав эти слова, глубоко задумался и закрыл глаза.

– Это правильно: любовь – право сильного. Но ведь сильным надо стать, прежде чем учиться любить врагов. Я, отец Матта, чувствую в себе призвание борьбы. Может быть, Бог сделает меня церковным политиком. Что бы ты посоветовал мне, мой друг? Как нам вести себя с другими Церквями, греками, сербами и русскими? Дружить ли с ними или играть на противоречиях, ради собственной выгоды?

Матта отвечал.

– Политики должны играть на противоречиях для обеспечения выгоды той силы, которую они представляют. В этом и заключается все их предназначение. Но ведь святая Церковь – не просто земная организация. Мне кажется, что вся наша беда и боль в том, что однажды дьявол нас разделил и теперь церковные политики не могут договориться, потому что в делах истины не подходит дипломатия.

– Подожди Матта, а как же Василий Великий, Кирилл Александрийский и многие другие святые иерархи? Их можно было бы назвать выдающимися политиками своего века.

– Я не такой ученый, как ты, Шенуди, но могу сказать одно: если бы я имел власть, я поступил бы по другому, предложил бы другой выход, чем дипломатия.

– И как же ты бы поступил?

– Я бы предложил всем церковным политикам православных христиан собрать святых людей своих стран, и пусть они сами поговорят между собой. В их сердцах святость и любовь, а не политические интересы. Было бы интересно узнать, что они бы решили вместе.

Шенуда с любопытством посмотрел на друга.

– Да, конечно, интересно. Но ты же знаешь, Матта, что невозможно собрать святых людей разных православных народов. Даже если и допустить такую возможность, уверен ли ты, что они договорятся? Ведь их решение может быть непредсказуемым и противоречить здравому смыслу, оно может, наконец, быть очень вредным. Для таких целей, мой друг, в Церкви и существуют образованные и дипломатичные епископы.

– Наверное, это так, Шенуди. Но если мы все хотим объединения, желая при этом сохранить истину, но не видим никакого выхода, разве это не повод, чтобы обратиться напрямую к Богу? Почему бы не установить особый молебный чин, в котором было бы наше желание объединения и просьба к Богу? Пусть Он Сам нас объединит. Ведь человеческими методами невозможно достигнуть этой цели. А что есть дипломатия, как не человеческий метод? Разве вера не предписывает нам молиться Богу во всех сложных случаях?

Уголки губ друга неожиданно искривились.

– Ты, Матта, как я погляжу, екуменист.

– А что это такое?

– Мы уже и так молимся за соединение всех, – сухо ответил друг. – Этого довольно. – Шенуди нахмурился, замолчал и стал усиленно работать тяпкой.

Поле было большим. Отец Матта хорошо помнил тот день. После этого случая они постепенно перестали разговаривать, каждый из них шел к Богу особым путем. Шенуда стал Папой Александрийским, наместником престола святого апостола Марка...

...Солнце уже полностью показалось над зданиями Иерусалима. Старец Матта видел, что утро началось, но все остальные детали скрывала его слепота.

Вдруг и этот свет померк, старец почувствовал тяжелое дыхание. К нему подошел человек и спросил благословения по-гречески.

Воспоминание из глубины чужого сердца

– Бог тебя благословит, сынок, – Отец Матта неплохо понимал греческий, как и бедуинский диалект арабского языка. Как-никак старец провел семь лет в Иудейской пустыне, в пещере рядом с монастырем преподобного Георгия Хозевита. Он приехал в Иерусалим двадцать лет назад. Прошел с бедуинами границу нелегально. До сих пор старец не имел никакого документа, подтверждающего его право на жительство в Израиле. Каким-то чудом за все годы у него никто ни разу об этом не спрашивал.

Даже старый паспорт, египетский, отец Матта оставил в ветхой рясе. Попросту он его забыл, когда решил вернуться в священный город в старинный коптский монастырь. Ведь он почти ослеп и не мог больше находиться в пустыне. Греки и так его еле терпели, особенно их раздражал тот факт, что он, будучи коптом, не причащался в их монастыре и раз в год, на страстной седмице, уезжал в Иерусалим, для того чтобы принять святое причастие из рук коптского священника.

Он жил в пещере подобно древним старцам, и греческие монахи роптали на то, что им приходится терпеть на своей территории копта.

Но отец Матта имел официальное благословение Иерусалимского патриарха, который в данном случае решил проявить великодушие, и монахи были вынуждены смириться, хотя и допекали его по разным поводам, пытаясь выжить из кельи. Старец терпел все с большим мужеством и кротко переносил оскорбления. Он жил там до тех пор, пока его зрение не ухудшилось. Тем сильнее обострилась его слуховая память. И хотя он давно не общался с греками, старец помнил язык так же хорошо, как и раньше:

– Кто ты, чадо?

В ответ незнакомец горячо сжал его руки и поцеловал их. Слушая тяжелое дыхание, грозящее перерасти в рыдания, отец Матта недоумевал, что этому человеку здесь нужно. Почему он плачет? Тем временем, человек осторожно попросил старца: «Помолитесь обо мне. Я уже не знаю, что мне делать!»

– Что с тобой? Кто ты? Откуда? – Старец мягко пожал ему руку. – Прости меня, я слепой и уже не так хорошо слышу, как раньше. Я помолюсь за тебя, как смогу, только назови мне свое имя.

– Лев. Мне тридцать лет. Своей национальности я не знаю, как и родителей. Может быть, я турок или армянин. Никто не знает. А может быть, и грек. Но дело не в этом. Я хочу исповедаться, отче.

– Исповедаться? Помилуй Бог! Но я не священник, а простой монах. Мое имя Матта, в честь апостола Матфея. – Старец кашлянул. – Исповедь невозможна, я копт, а ты похож как греческой веры, поэтому...

– Пусть вы простой монах. Меня это не смущает. Известный византийский святой Симеон Новый Богослов учил, что и простые монахи имеют власть вязать и разрешать.

– Я не знаю такого святого.

– Неважно! Отец, просто выслушайте то, что я вам сейчас расскажу. Иногда этого бывает достаточно.

– Согласен. – Старец, повинаясь неожиданному импульсу, сжал четки. – Я согласен.

– Сейчас, я принесу стул. Можно взять с террасы? – Старец кивнул, и Лев удалился на несколько минут. Когда он вернулся, старец с тревогой приготовился слушать. Тем временем незнакомец начал свой рассказ.

– Я, отец мой, человек с необычной судьбой, найденный. Меня нашли в горах близ озера Ван в Турции две монахини-пустынницы. Я лежал в траве полумертвый, не имея сил даже плакать. Мне было тогда всего два-три месяца. Кто знает, почему родители бросили меня уми-

рать? Может быть, я был плодом запретной любви, и мать решила от меня избавиться, чтобы не привлекать позор на свою голову. Кто знает? – Лев тяжело вздохнул. – Отче, я даже не знаю, какому народу я принадлежу. Единственное, что меня связывает с моим прошлым, это маленький бронзовый образок Божьей Матери, который висел у меня на шее, когда меня нашли.

Одна из пустынных, моих блаженных стариц, была дочерью известного вартapeda, который был убит в Эрзуруме в 1915 году во время кровавой резни, устроенной мусульманами. Ее жениха – богатого и образованного армянского врача и поэта из Трапезунда – схватили правительственные войска. Они с Рубеном, так звали жениха, были помолвлены уже два года, скоро должна была состояться и их свадьба. Армяне тогда были в одном шаге от создания собственного великого государства – форпоста христианства в самом сердце мусульманского востока, но злая судьба распорядилась по-иному. Турки свирепо воспротивились национальным чаяниям армян и решили стереть этот великий и многострадальный народ с лица земли.

Рубена отправили в поселок Чангири в Анатолии, где уже находилась большая группа депортированных армян. Как рассказывала мне блаженная старица, в ссылке он держался невероятно мужественно, подбадривая других и до конца оставаясь верным своему признанию: он ходатайствовал за больных и перевязывал им раны. Этот благородный человек считал христианство высочайшей ценностью не столько в религиозном, сколько в общечеловеческом смысле. Предназначение поэта как носителя великих идеалов – вот, как он считал, настоящая ценность, которая выше физического существования.

Наконец, после многих пыток, поэта, вместе с другими четверьмя пленниками, привязали к деревьям. Затем стражники стали медленно резать их на куски. Невеста, горько рыдая, наблюдала за этой картиной издали. Она остригла свои густые красивые волосы, дав обет Богу остаться девственницей до конца своих дней.

Их дом был разграблен и уничтожен толпой озверевших турков, и она, моя дорогая духовная мать, ушла куда глаза глядят, выдавая себя за турчанку. Так, в бесцельных скитаниях, прошли месяцы. Питаясь чем Бог подаст, она дошла до соленых, словно слезы армян, вод озера Ван. Там Господь посетил ее сердце, и она удалилась в горы молиться за свой многострадальный народ и за весь мир. По пути она встретила одну понтийскую гречанку-монахиню, и они вместе поселились в землянке, которую вырыли голыми руками в дремучих лесах нагорья. Господь не забыл великих подвижниц. Несколько турецких семей, тайных христиан, которые внешне исповедовали Ислам, помогали подвижникам пищей и одеждой.

Так прожили они шестьдесят лет, пока не нашли меня. Монахини приняли младенца как поручение от Господа и воспитали меня в соответствии с правилами пустынножительства. Пятнадцать лет я питался с ними сырыми кореньями и пил талую воду с ледников. Они научили меня молитве, армянскому, турецкому и греческому языкам и готовили меня к принятию монашества. Моими настольными книгами были Евангелие на греческом языке и «Книга горьких песнопений» Григора Нарекацы. Я выучил их наизусть и все больше проникался духом плача и молитвы.

Старицы научили меня не лгать, уважать старших, молиться и другим христианским добродетелям. Кроткие святые старицы привили мне любовь к монашеской жизни. Больше всего мне тогда хотелось удалиться в мужской монастырь, где бы я мог пройти науку истинного подвижничества под руководством опытного старца. Я измлада был приучен к лишениям и скорбям, моя одежда была грубой, пища простой и непривлекательной. Все пятнадцать лет я пил лишь воду и не знал вкуса других напитков. Вкус молока, которым старицы меня поили всего лишь год, я забыл. Когда я в первый раз попробовал сахар, меня поразила его горечь. Только через месяц я понял, что же все-таки есть сладость.

Представьте, отец, мое положение: я был подготовлен к настоящему подвижничеству, это было целью всего моего существования. Святые старицы все сделали для того, чтобы я стал впоследствии хорошим монахом.

В пятнадцать лет они сказали мне – плачущему безбородому юноше, что мой период ученичества у них закончен и что я должен удалиться в мужской монастырь для дальнейшего обучения молитве и добродетели. Там, говорили они, под руководством опытных отцов я приму монашество и войду в полный духовный возраст. Тем более что я уже вырос, а старицы были слишком одряхлевшими для того, чтобы продолжать жить в землянке. Одна турецкая семья, которая много нам помогала вещами, деньгами и продуктами, хотела взять стариц в свой дом, на полное содержание, чтобы там они смогли спокойно умереть, окруженные теплой заботой. Вы только представьте себе, как я плакал, как тревожился перед предстоящей разлукой с единственно близкими мне на земле людьми.

Добрые турки-христиане, наши верные друзья, рискуя собственной свободой и жизнью, помогли мне нелегально перейти через границу с Арменией, и так я очутился в Ереване. Армяне, узнав обстоятельства моей жизни, приняли меня очень хорошо.

Мою историю любезно выслушал сам Католикос, и по его протекции мне было предоставлено армянское гражданство. Все, на первый взгляд, было прекрасно – меня оставляли в любой из обителей. Но после краткого периода эйфории с глубоким прискорбием я узнал, что в монастырях Армении уже давно никто не дает монашеских обетов. Они являются лишь «кузницей кадров» для местного духовенства. В монастырях давно царит мирской дух, его насельники заняты в большей мере изучением писаний, пения и богословских трудов, чем молитвой и трезвением ума, к чему я был приучен в пустыне.

Ереван околдовал меня. Таких больших городов я еще не видел. Мне казалось, что это и есть новый Вавилон, о котором с предостережением сказано в писании. В пустыне я с презрением отгонял приражения врага, но только в большом городе я наконец понял, что же есть настоящая мирская сладость.

Я увидел красивых армянских женщин, которые мило улыбались мне, и в сердце поселилась тягостная и сладкая тоска. Я выходил на улицы и бродил целыми днями, смотря по сторонам. Я знал, что это гибель и смерть, но ничего не мог с собой поделать. В монастырях также никто не знал, что есть настоящее подвижничество, а насельники соревновались друг с другом в том, кто знает больше премудрых цитат из горы книг, хранящихся здесь на полках. Я загоревал, не зная, что мне и делать.

С плачем и душевной болью я вспоминал горы и леса моей родины, кротких и мудрых стариц, и более всего прочего хотел вернуться назад, но это, увы, было уже невозможно. Тогда, отчаявшись в своем пути, я слег в одном столичном монастыре с горячкой и был уже близок к смерти. Но настоятель монастыря, который за короткое время моего пребывания в нем успел меня полюбить, решил, что меня стоит отправить в Иерусалим, ко Гробу Господню, где я бы мог исцелиться от этой душевной немощи. На святой земле издревле существует армянское монашеское братство. Настоятель надеялся, что я смогу здесь прижиться и, пройдя трехлетний искуc, дать монашеские обеты. Руководствуясь столь благими целями, он отправил прошение Иерусалимскому армянскому патриарху, который и благословил мне приехать на святую землю. Услышав об этом, я воспрянул духом, и моя болезнь быстро пошла на убыль.

Наконец, долгожданный день пришел: я прибыл в святой город. Бог знает, какие у меня были ожидания от встречи с Иерусалимом! Но увиденное так поразило меня, что я даже не смог удивиться. Скажу вам, отче, так – мои чувства вовсе не были восторгом паломника. Напротив – это было глубокое разочарование.

Я горестно смотрел на монахов и священников всех народов и понимал, что мои старицы пережили свой век. Современный мир настолько расходился с моими представлениями, что от сердечных переживаний я потерял все, что имел: молитву, рассуждение и благие помыслы.

Мне стало казаться, что не иначе как дьявол уже воцарился и антихрист воссел в храме Божьем, как Сам Бог.

Армянский патриарх принял меня ласково и поставил в чтецы. Но лучше бы он этого не делал. Церковные службы стали навевать на меня самый настоящий страх. Я чувствовал, что люди, участвующие в богослужениях, являются простыми наемниками. Для них служба Богу была просто профессией, и мало кто из них был пастырем добрым.

Я пробовал исповедовать эти помыслы многим священникам и говорил им о своих сомнениях. Большинство из них обвиняли меня в том, что я не занимаюсь собственной душой. Иначе откуда у меня подобные завышенные требования к Божьим слугам? Но я не мог относиться к этим вещам иначе и смириться с духом современного монашества без ущерба для собственной души. Для этого мне нужно было стать духовным уродом, делающим вид, что ничего вокруг не происходит. Отче, только поймите меня правильно! Мало кто может быть равнодушным к тому, что происходит в его родной семье. А для меня Церковь была и остается большой семьей, так я был воспитан. В пустыне я жил надеждой, что я смогу воссоединиться со своей дорогой семьей великой любовью. Конечно, я был наивен, зато как искренен. Реальность не оставила и камня на камне от моих высоких надежд. Равнодушие и отчуждение, царившие в моей большой семье, причиняли и причиняют до сих пор мне мучения, настоящую душевную боль.

Представьте, как это: говорить себе каждый день, что все нормально, когда как сердце вопит о том, что дьявол отравил все вокруг, даже святую Церковь. Я внушал себе, по совету духовников, что это я не прав, а все остальные правы. Они старались открыть мне глаза: оказывается, все искажения, которые я видел, на самом деле, являлись искажениями моей собственной души, которую нужно исправить частыми исповедями.

Я стал бороться со своим возмущением, взяв на вооружение науку борьбы с помыслами, которой меня обучили старицы. Месяц за месяцем я пытался изгнать из себя злые мысли. После этого я бы смог успокоиться – так меня учили священники. Но постепенно, не выдержав конфликта между реальностью и тем, что я себе пытался внушить, сознание мое стало помрачаться. Я часто стал падать в обморок во время богослужения, и меня начали считать бесноватым.

«Вот – говорили многие, кому я исповедовал свои сомнения: он хулил священников, считая себя праведником и чистой душой, а сейчас полюбуйтесь, на кого он похож. Бес вселился в него и мучает за эту хулу».

Постепенно церковные люди стали меня игнорировать и даже принялись гнать меня из храмов по самым пустяковым поводам. Сначала это было ужасным, потом терпимым. Так, отче, шли годы.

Одежда моя обветшала от времени, и я стал похож на простого сумасшедшего бродягу. Так скитался я в Иерусалиме на протяжении пяти лет. Меня несколько раз отлавливала полиция, лечили видные израильские психиатры в Тель-Авиве от пресловутого «иерусалимского синдрома». Потом отпускали на все четыре стороны, убедившись, что я совершенно безобиден. Почему-то ко мне в этой стране прониклись сочувствием, и власти никуда меня отсюда не выгоняли и не депортировали, несмотря на то что вид на жительство в Израиле у меня давно закончился. А один кибуц, где разводят кайманов на перчатки и кошельки, некоторое время даже помогал мне с деньгами.

Долго бродил я по святой земле, сам поверив в то, что и в самом деле сумасшедший. Но вот правда ли это? Однажды, совсем недавно, я попал к одному старцу, которому, как и вам, я рассказал историю своей жизни. Ей, кстати, в последнее время уже никто в Иерусалиме не верил. Все думают, что я сам выдумал все это, просто ради того, чтобы привлечь к себе внимание.

Однако этот старец принял меня со всем радушием и выслушал меня с интересом, не перебивая на полуслове, как другие. В ответ старец рассказал мне бедуинскую легенду, никак ее не комментируя. Вот содержание этой легенды, больше похожей на притчу.

Однажды Рауэл, учитель Моисея, обратился к человечеству со странным предостережением: «Настанет такой день, когда вся вода в мире, кроме той, что будет специально собрана, неожиданно исчезнет. Взамен появится другая вода, и, испив этой воды, люди станут безумцами». Слушая речь Рауэла, все лишь качали недоверчиво головами. Но один человек понял истинный смысл слов мудреца и решил подготовиться к тому, что должно произойти. Он собрал большой запас воды и спрятал его в горной пещере. Прошло немного времени. И вот – иссякли все реки, высохли колодцы, и тот человек, спрятавшись в убежище, стал пить из своих запасов. Но прошло какое-то время, и человек этот увидел, как реки вновь потекли и озера наполнились новой водой. Он спустился к людям и со страхом понял, что они говорят и думают совсем не так, как раньше. Рауэл был прав: произошло именно то, о чем он предостерегал, но эти люди даже не помнили об этом. Умный человек попытался заговорить с ними, но понял, что его считают обычным сумасшедшим и выказывают к нему враждебность. Самые добрые люди сострадали ему, но совсем не понимали. Поначалу он не притрагивался к новой воде и каждый день возвращался к своим запасам. Но в конце концов он все-таки решил пить новую воду, так как его поведение и мышление, выделявшее его среди остальных, сделали жизнь невыносимой и одинокой. Как только человек выпил новой воды и стал таким же, как все, он совсем забыл о своем запасе воды, а окружающие его люди стали смотреть на него как на сумасшедшего, который чудесным образом излечился от своего безумия».

Лев на секунду замолчал.

– Вы слушаете меня, отче?

– Да, конечно, я понимаю тебя. – Старец Матта улыбнулся. – Ты теперь хочешь испить новой воды, чтобы стать таким же, как и все.

– Да! – Голос незнакомца выдавал противоречивые чувства. – Точно! Я одинок и все меня почитают за обыкновенного безумца, хотя я воспитан двумя святыми благородными старицами в соответствии с заветами святых отцов. Я полностью перенял их взгляды на жизнь, старицы научили меня монашескому восприятию действительности. Но оно совсем другое, не такое, как у современных монахов. Может быть, вы считаете, что я ропщу?

– Нет-нет. Продолжай.

– Можно сказать, что там, в горах Турции, сохранилась прежняя вода, которой меня поили пятнадцать лет, а теперь все переменялось. Я и сейчас пью эту чистую воду из последнего убежища воспоминаний. Церковные люди считают меня за бесноватого, или, в лучшем случае, за прельщенного человека, но ведь, возможно, это они изменились, испив новой воды, а я как раз здоров. И моя душа не хочет уродоваться современным безумием. Но все это обрекает меня в миру миллионов людей на совершенное изнуряющее одиночество. И это ужасно!

Один высокопоставленный армянский епископ намекал мне, что с моей необычной историей я смог бы сделать неплохую карьеру в Церкви, если бы не занимался глупым правдоискательством. Что ж! Я хотел бы, отче, испить этой новой воды, чтобы стать подобным всем этим людям. Вот чего я на самом деле хочу. Вот вся моя история и исповедь.

Старый копт минуты две молчал, не зная, что ответить. Затем неуверенно сказал незнакомцу.

– Дд-а. Все это, конечно, интересно. Но скажи, тебе теперь стало легче, Лев? После того, как ты понял, что тебе нужно? – Отец Матта покачал головой. Услышав, что молодой человек хочет быть таким, как все, монах заметно расстроился.

– Наверное, нет, – неуверенно ответил незнакомец.

– Конечно. – Старец пожал плечами. – Ты хотел найти идеальный монастырь, но понял, что здесь его нет. Теперь ты сам хочешь уподобиться тому, что в глубине души презираешь. Но, даже если ты испьешь из общего колодца, это не принесет тебе счастья.

Лев тяжело вздохнул.

– Я знаю это, отец. Но у меня ведь нет выбора...

...Отец Матта закрыл глаза. Этот незнакомец был свят, как дитя и, как младенец, так же неискусен. Он даже не знал самых простых вещей. Вся сложность духовной жизни заключается именно в том, что человеку непрестанно приходится делать выбор, не только в большом, но и в самом малом. Даже в мыслях... Как сказал один старец-пустынник, от малого помысла зависит спасение...

Воспоминание о верблюде

Старец Матта хорошо понимал молодого подвижника, ведь он сам более десяти лет мучился подобными сомнениями. В Лавре он даже, бывало, ожесточенно спорил со старцами и игуменом по поводу некоторых вопросов, касающихся благоустройства обители. Да у него были еще какие сомнения! Они окончательно пропали лишь после судьбоносного случая, который произошел с ним много лет назад. Случая, заставившего его бросить свою любимую родину и водвориться на чужбине, где, по всей видимости, ему придется принять и смерть.

Какие причины могут заставить коптского монаха, который тридцать лет не оставлял свой монастырь, покинуть не только обитель, но и родную страну, древний Египет? В Лавре Макария Великого монах пользовался большим авторитетом среди всей многочисленной коптской общины. Его уважали и ценили за аскетизм и доброту. Слава о нем шла по всей стране. Наконец, даже сам Папа решил рукоположить отца Матту в пресвитера и вручить ему руководство одним богатым приходом в центре Александрии.

Александрия – город, пожелавший сравняться с великим Вавилоном. Хранилище древних знаний и кафедра святого апостола Марка. По уровню образованности этот город когда-то превосходил все другие города, но грехами он был заполнен до края. Из века в век знания здесь соседствовали с грехом.

Преподобную Марию, которая многие годы скиталась по пустыням востока, искушал злой демон такими словами: «Мария, я больше тебя не буду трогать, подвизайся во славу Божию, но только пойди, взгляни еще раз на Александрию». Демон знал что говорил – одного страстного взгляда на этот город было бы достаточно для ее падения.

Тысячи древних домов и сейчас переселены. За две тысячи лет этот город несколько не стал современной. Метро и нынешние гостиницы меркнут перед тысячелетней историей, впечатавшейся в камни. Несколько сотен приземистых коптских храмов враждебно смотрят на башни минаретов, с которых пять раз на день поют песни Аллаха голосистые муэдзины.

Один из этих храмов – собор святого Георгия – в жизни коптской общины значил очень много. Он стоял в самом древнем городском квартале, где всю административную власть держали в своих руках именно копты, а не мусульмане. Это были богатые и влиятельные люди, своего рода элита народа. Папа знал, что на место настоятеля собора надлежит назначать человека если не святого, то очень праведного.

В последнее время среди коптов участились случаи добровольного обращения в ислам. Многие хотели таким образом решить проблему неудачного брака – у коптов очень суровые правила, разрешающие развод только в исключительных случаях и не позволяющие вступать в брак повторно. Другие хотели сделать удачную карьеру, что могли в Египте позволить себе только мусульмане.

Копты, желающие сменить свою веру, должны были сначала прийти в полицию, где инспекторы просили священников проверить мотивы решения. Все это делалось якобы для того, чтобы предотвратить случаи ложного обращения в ислам. Но на самом деле таким образом коптская община препятствовала ассимиляции.

Между тем, в Египте переход в христианство мусульман официально запрещен законом. Это придавало некоторым коптам ощущение, что они здесь, на своей исторической родине, люди второго сорта. Влиятельные коптские семьи давно имели тесные финансовые дела с мусульманами и постепенно проникались духом ислама, который налагает на человека меньше ограничений, чем христианство. Папа с тревогой наблюдал, как некоторые уважаемые копты хотели породниться с мусульманами. Кое-кто даже выдавал своих дочерей за сынов зеленого знамени пророка. Дочерей, отправших от вечнозеленого дерева Христа.

Папа Александрийский знал, что, если настоятель собора святого Георгия завоюет авторитет среди общины, вера этих влиятельных коптов укрепитя и они будут гордиться тем, что они копты, а не арабы. Тогда Папа и решил рукоположить отца Матту и возвысить его из простого монаха до настоятеля собора.

Впервые услышав о решении Папы, монах сильно расстроился. Меньше всего он хотел принимать сан. Отец Матта всегда помнил, как преподобный Аммоний отказался от предложения Александрийского патриарха Феофила, который, пусть даже и насильно, хотел рукоположить его в епископы. Преподобный в присутствии патриарха и его слуг отрезал себе ухо, пригрозив, что отрежет и язык, если патриарх будет настаивать на своем решении. Даже жесткий и непреклонный Феофил Александрийский, при котором в языческий Египет окончательно потерпел поражение, был вынужден отступить перед железной волей преподобного.

Сейчас люди и понятия были уже не те, но противоречия остались теми же. Папа исходил из интересов всей церковной общины, а отец Матта считал, что настоящий монах должен служить только Богу. Даже монастырь духовно не мог насытить его в полной мере, и он давно хотел удалиться в пустыню. Взять же на себя управление приходом – такого отец Матта не мог представить и в самом страшном сне. Он всегда помнил изречение из патерика: «Почему ты печален, отче, – спросил Иоанн Ефесский келиота Мар Фому, – разве ты живешь не в монастыре, а в миру? Вот предоставлено тебе поститься, молиться и служить Богу сколько хочешь... У тебя была келия в пустыне? Вот и здесь келия, делай в ней что хочешь». Тот, поглядев с удивлением, сказал: «Разве может раб служить двум господам? И может ли человек быть в общении и с Богом, и с людьми? Если кто занимается знакомыми и сродниками по плоти, может ли он одновременно заниматься вещами духовными?»

Папа вызывал монаха в Александрию уже в третий раз. Он знал о том, что отец Матта непреклонен относительно своего пути, почти как преподобный Аммоний. Его уже несколько раз пытались рукоположить, но он всегда начинал вести себе вызывающе, юродствуя перед другими. Так монах показывал, что он не желает и даже боится священства.

На этот раз Папа решил поступить мудрее своего предшественника Феофила и вызвал монаха в Александрию, якобы для другой цели. Он написал ему письмо о том, что стоит прояснить детали его детского исповедничества. Голова Первосвященника болела и от нового нелепого лжеучения, которое распространялось среди бедных и необразованных коптов.

Как раз в то самое время на побережье близ Александрии волны Средиземного моря вынесли громадную тушу кита. Длина туши была более девятнадцати метров, скелет кита до сих пор выставлен в Александрийском историческом музее. Большие киты в Средиземноморье никогда не водились, и некоторые коптские проповедники усмотрели в этом необычном природном явлении грозное предзнаменование от самого Бога. На помощь себе эти неистовые проповедники призвали Книгу пророка Ионы. Кит, который проглотил Иону, всегда был прообразом ненасытной преисподней, и вот он лежит на берегу Александрии, мертвый и пустой.

Тушу исследовали специалисты из Европейской комиссии по правам животных, которые определили причину смерти кита. Египетские газеты пестрели заголовками наподобие: «Могучий кит умер от голода». Оказывается, в Средиземном море недостаточно планктона для прокорма такого большого животного, поэтому кит и издох. Правда, никто не понимал, зачем он сюда заплыл, с какой целью? Биологи и океанологи делали по этому поводу различные предположения с точки зрения науки и здравого смысла. Эти предположения устраивали образованных людей обеих религий.

Но не все были согласны с учеными, некоторые священнослужители считали, что это был не простой кит на побережье, а еще и некий знак, возвещающий о скором конце света. Мол, ад совсем опустел и все демоны теперь вышли на землю искушать человечество. Огромный кит, умерший от голода, – явное тому подтверждение, предостерегающее знамение небес. По

авторитетному мнению этих проповедников, скоро должна случиться последняя битва добра и зла, после которой произойдет славное и второе пришествие Господне.

Простые необразованные копты прислушивались к словам своих неугомонных пастырей и начали готовиться к этому великому дню. Наиболее фанатичные христиане бросали работу и призывали к открытому неповиновению мусульманским властям. А власти также не знали, что делать, ведь пора жестокого мамлюкского режима давно миновала и нельзя было просто начать резню христиан. Тем более что евреи из самопровозглашенного государства Израиль и Европа поддерживали коптскую общину. Власти обратились к Папе с требованием прекратить распространяющееся безумие.

Папа рассмотрел все обстоятельства дела и признал в происходящем мракобесие, призвав коптов не поддаваться умопомешательству.

Но страсти разгорались нешуточные, некоторые пастыри стали признавать в Папе предтечу антихриста. Он мог бы низложить их, но боялся, что тогда фанатики приобретут ореол «борцов за правду». Но при вынужденном бездействии Папы они приобретали все большую дерзость, уже даже обвиняя главу общины и Церкви в вероотступничестве.

Мусульмане воспользовались этими волнениями, чтобы выставить христианство в дурном свете и даже среди образованных коптов прокатилась волна возмущения подобными настроениями. Ислам казался им все более привлекательным. Тем более что одним из главных возмутителей спокойствия и был настоятель собора святого Георгия, которого Папа в скором времени собирался низложить. Но это место ни в коем случае не должно пустовать.

Папа хорошо знал широкие взгляды отца Матты, но, в то же время, и его преданность коптской Церкви. Монах идеально подходил на должность нового настоятеля, он был способен утихомирить раздор и своим авторитетом осадить не в меру ретивых проповедников.

Получив приглашение, отец Матта сел на старого верблюда и в сопровождении двух папских слуг отправился в Александрию. Он, как и пришедший сегодня к нему юноша, естественно относился к современному монашеству, даже в Лавре Макария Великого, которая была на тот и является на сегодняшний день одной из самых лучших христианских обителей, его многое раздражало. Отец Матта считал, что современные монахи не способны воспринять заветы святых отцов, бескомпромиссно утверждавших вражду Бога и мира.

А теперь в монастырь проникли многие мирские удобства, расслабляющие монахов, и в новых кельях даже появились душевые. Отец Матта часто роптал и обвинял игумена, что тот потворствует мирским страстям братии. Папа знал о подобном настроении ревностного монаха и решил использовать его для отстаивания собственной позиции.

И вот отец Матта приблизился к Александрии. Он воспринимал ее так же, как этот юноша – Ереван. Казалось, что он приближается к разбойническому вертепу, где днями и ночами творятся лишь блуд и насилие. Монах закрыл глаза и читал в уме молитву отпустив верблюда спокойно идти за верблюдами, на которых сидели слуги наместника престола святого Марка. Наконец он оставил своего верблюда рядом с просторными покоем Папы и смиренно подошел к привратнику, попросив доложить иерарху, что монах Матта прибыл на аудиенцию.

Папа принял его ласково, усадил на стул и объяснил ему суть своего приглашения:

– Отец Матта, ты должен занять место настоятеля собора святого великомученика Георгия.

– А как же отец Мозес?

Увидев изменившееся лицо монаха, Папа кашлянул в кулак.

– Его я решил низложить за измену и еретические измышления. И не смотри на меня так! Возражений я не потерплю! Если отец Мозес покается, я прощу его, но сейчас Церкви требуется более достойный пастырь на место настоятеля собора святого Георгия.

– Но Блаженнейший...

– И еще, Матта, мне непонятна твоя позиция по некоторым важным вопросам, я не знаю, насколько ты устойчив в вере. Твой старый друг, отец Шенуда, говорил, что ты ропщешь по поводу наших нововведений в Лавре. Мол, это все противоречит духу настоящего египетского монашества. Это так?! – Папа нахмурился.

– Мне кажется, Блаженнейший Папа, что мои расхождения с лаврскими властями не находятся в сфере нашего вероучения. – Отец Матта понял, что разговор будет трудным и тщательно подбирал слова. – Блаженнейший Папа, отец Шенуда не лгал вам. Я не отрицаю, что говорил все это. Вот только заветы наших отцов действительно отрицают...

– Отцы это отрицают? Хорошо! Следовательно, это именно вероучительный вопрос. – Патриарх раздраженно махнул рукой. – Но дело не в этом. Я клоню совсем к другому. Если бы Бог вручил тебе игуменство, что бы ты сделал в Лавре? Как бы ты поступил на месте игумена? Отвечай только правду и помни, перед кем ты сейчас держишь ответ.

Отец Матта с уважением поклонился. – Я никогда не забывал об этом, Блаженнейший Отец.

– Ладно. Тогда с сознанием этого факта и смирением отвечай на мой вопрос.

– Я бы постарался возродить дух древнего монашества, согласно с заветами святых Антония и Макария и...

– Хорошо! А если бы монахи стали противодействовать твоим реформам?

Отец Матта задумался.

– Тогда, Блаженнейший Папа, я бы усомнился в том, истинно ли эти люди являются монахами? Ведь истинный монах есть истинный сын своего игумена.

Папа удовлетворенно улыбнулся.

– Вот-вот, отец. Та же проблема стоит сейчас и передо мной. Бог вручил мне управление не только монастырем, но и Церковью. Кто выше меня на этом свете?

Знаешь ли ты всю глубину ответственности, которая переполняет мое сердце? И как назвать того, кто препятствует моим решениям, как не вероотступником? Поэтому я и решил низложить отца Мозеса. Он распространяет нелепые суеверия. Слышал ли ты об истории с китом?

– Да, Блаженнейший Папа.

– И что ты думаешь об этом? Представь, до какого смеха может доходить невежество простолюдинов и обезумевших от гордости священников!

Отец Матта тяжело вздохнул. На этот раз Папа припер его к стенке. Теперь он мог бить его же словами. Ведь монах имел свое мнение относительно благоустройства монастыря, поэтому он не мог подобно преподобному Аммонию заявлять, что он держит отчет лишь перед Господом Богом. Настоящему монаху неинтересны дела, которые творятся в мире, а отец Матта теперь уже не мог о себе такого утверждать.

И в самом деле, имел ли он право перечить главе Церкви? Не было ли его противодействие лаврским старцам лишь тонкой формой личного самоутверждения? Отец Матта напряженно молчал – сейчас пройдет еще минута, Папа укажет день, в который его рукоположат в пресвитера и обратной дороги домой, в суровую и молчаливую египетскую пустыню, уже не будет.

– Блаженнейший Отец?

– Да, Матта. – Папа думал, что уже убедил монаха и немного расслабился.

– Я думаю, что не просто так этот огромный кит выбросился на берег.

– Что ты имеешь в виду?!

– Это был явный знак, предвещающий скорый конец света.

– Знак?! – Лицо Папы отображало игру самых противоречивых эмоций. Он понимал, что отец Матта хитрит – на самом деле, он, конечно, так не считал. Монах просто решил укло-

ниться от рукоположения. Глава коптской Церкви был в недоумении, как ему поступить. Наконец, он покраснел от гнева и вновь махнул рукой в сторону монаха.

– Возвращайся в пустыню, Матта! И быстрее садись на своего верблюда, пока я не передумал!

Отец Матта вежливо поклонился, извинился за свое невежество и вышел во двор. Опасаясь, что Папа передумает, монах проворно сел на верблюда и поехал прочь. По дороге в лавке он купил себе немного еды и наполнил бурдюки свежей водой. Отец Матта мог бы остановиться в городе на ночлег в патриархии или у одного знакомого священника, брата матери, но предпочел сразу же покинуть Александрию.

Он выехал на дорогу, которая вела в Лавру святого Макария и начал творить благодарственную молитву. Верблюд шел неторопливым ходом и отец Матта спустя какое-то время задремал. Может быть, от пекущего солнца или от усталости, ему приснился необычный сон... Он шел по пустыне один-одинешенек. Ветер истрепал его одежду, а солнце сделало его кожу грубой. Вокруг было много змей и скорпионов, они расторопно ползли за ним по золотистому песку, как маленькие дети за матерью. Они выглядели необычно безобидно. Казалось, что гады каким-то образом зависели от него. Он мог бы легко убежать от них, но это казалось при свете дня совершенно ненужным.

Постепенно ситуация изменилась – монах чувствовал, как его ноги опутывались невидимыми нитями. С каждой секундой идти становилось все трудней, он шел в неизвестном направлении и уже не было возможности сбегать от гадов, которых только прибавлялось. Тем временем скорпионы и другие насекомые стали агрессивней, они заползали на него, а змеи опутались вокруг ног, мешая идти.

Время было вечернее, и скоро солнце должно было скрыться за горизонтом. Гады все более опутывали его, и монах почти падал от усталости на горячий песок. Он шел сам не зная куда, только потому, что надо куда-то идти, что остановка в этой жизни означает смерть. Тьма наступала. Насекомые со змеями, которые при солнечном свете казались дружелюбными и полностью зависимыми от него, становились все злее и злее, проявляя свою истинную сущность. Они уже начинали кусать монаха, и отец Матта уже чувствовал помутнение сознания от яда.

Монах начал усиленно молиться. Молитва – единственное, что он мог себе позволить. Змеи уже стали душить его, и отец Матта решил полностью положиться на волю Божию. Он каялся за все свои грехи, в том числе за то, что не убежал от змей и скорпионов, пока была такая возможность.

Вдруг из постепенно наползающей тьмы к нему подбежал большой бедуинский верблюд в плетеной уздечке кочевников. Он наклонил голову к монаху так, чтобы тот смог схватиться за уздечку. Отец Матта схватил плетеную кожу обеими руками, и верблюд стал пятиться назад.

Гады заверещали от отчаяния, как будто их добыча уходила прямо из-под носа. Они вцеплялись в ветхую одежду монаха изо всех сил, но постепенно все отстали, и он из последних сил смог вскарабкаться на могучую спину животного. Тогда отец Матта почувствовал, как он устал. Он обнял шею верблюда и заснул...

...В этот момент монах проснулся. Было уже темно, и его усталый верблюд шел непонятно куда. Реальность была такова, как будто продолжался этот сон: они вырвались от змей и скорпионов, но монах не знал, куда направляться дальше. Отец Матта был очень усталым, его лихорадило, очевидно, он сильно заболел. Монах обнял шею верблюда и опять забылся сном. На этот раз он был без сновидений.

Когда отец Матта вновь очнулся, он обнаружил себя лежащим на кушетке из пальмовых листьев у костра среди бедуинов. Они, отчаянно жестикулируя, смеялись и о чем-то болтали. Монах хорошо знал бедуинский диалект арабского языка и понял, что кочевники рассказывают друг другу разные забавные истории. Увидев, что Матта проснулся, бедуины напоили его каким-то горьким лекарством и облегченно засмеялись. Монах, отпив из чашки, попривет-

ствовал кочевников на родном языке, они все вместе громко ответствовали, смеясь и хлопая его по плечу.

Бедуины рассказали монаху, что подобрали его в пустыне три дня назад, лежащего на песке, безвольно раскинувшего руки, рядом с голодным верблюдом.

У него была сильная лихорадка и озноб, и арабы уверяли, что монах был на волосок от гибели. Бедуины подобрали его, положив на верблюда, и взяли с собой. Они направлялись в Палестину и, когда монах очнулся, кочевали уже на Синайском полуострове.

Отец Матта поблагодарил бедуинов и попросил еды. Подкрепившись, монах спросил, далеко ли ему ехать до Лавры Макария Великого. В ответ бедуины сказали, что он должен им заплатить за лечение и уход, а потом они укажут ему дорогу к монастырю.

Когда отец Матта сказал, что у него нет денег, потому что он простой монах, бедуины, услышав отказ, стали совещаться. Через десять минут их лидер сказал, что монах должен им верблюда, если уж у него и правда ничего нет. Как-никак они спасли ему жизнь и потратили на него свое время. Чтобы привести его в порядок, понадобится еще одна неделя. Они все сделают, чтобы помочь монаху. Но по выздоровлении он им отдаст своего верблюда.

Бедуины направлялись в Палестину, они могли дать ему немного денег, чтобы он добрался до Иерусалима, где есть влиятельная коптская община с монастырем. Иерусалимские копты уже помогут ему добраться до родины.

Отец Матта, не имея сил, чтобы противоречить бедуинам, согласился на их условия. Поев неприхотливой пищи и отпив из чашки горького лекарства, он сразу же заснул. Тогда еще не было охраняемой границы между Палестиной и Египтом, бедуины постоянно кочевали из одной страны в другую, без особой видимой цели. Отец Матта не нашел ничего лучше, как подчиниться обстоятельствам.

Через неделю кочевники высадили монаха недалеко от Мертвого моря, дали ему три доллара и, забрав верблюда, поехали дальше кочевать.

Отец Матта добрался до монастыря преподобного Георгия Хозевита и попросился на ночлег. Он ждал подходящего случая, чтобы приехать в Иерусалим. Через неделю на престольный праздник в эту обитель приехал Иерусалимский православный патриарх. Повинуясь странному внезапному приступу великодушия, он предложил копту занять пещеру рядом с этим древним монастырем и жить на полном монастырском довольстве. Игумен, хоть и был недоволен этим решением, но не мог сказать ничего против патриарха, и так в последнее время плохо настроенного против него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.